

Дмитрий БЕРТМАН:

«Золотой петушок». Актриса должна раздражать голосом! (фактура подразумевается)

В минувшем сезоне московская «Геликон-опера» выдала целую обойму спектаклей по произведениям Пушкина. Они и послужили отправной точкой для разговора с художественным руководителем театра Дмитрием Бертманом в преддверии сезона предстоящего.

Мой работодатель — Пушкин

Вех. Москва — 1999 —
8 сент. — с. 5

Аркадий ПЕТРОВ

— Юбилей поэта трансформировался у нас в нечто коммерчески плохое. Но наш пушкинский фестиваль не имеет к этой кампании никакого отношения и идет вне зависимости от дат. Ведь именно Пушкин подарил мне массу возможностей заниматься тем, что нравится. Он — мой главный работодатель. «Моцарта и Сальери» я ставил дважды, «Русалку», «Евгения Онегина» и «Мавру» Стравинского (по «Домику в Коломне») — тоже дважды, «Пиковую даму» — трижды. В этом году поставлены «Мазепа» и «Золотой петушок». Я счастлив, когда есть возможность поработать с Пушкиным. Это потрясающий компаньон, который позволяет свободно разговаривать с ним на сегодняшнем диалекте.

— В этом вам, видимо, и стены помогают, ведь «Геликон-опера» получила особняк XVIII — начала XIX века — дом князей Шаховских. Его классические колонны удачно гармонируют с пушкинскими спектаклями...

— Здесь действительно потрясающая аура и совершенно особая энергетика. Потому что в доме бывал Пушкин, очень возможно — и Лермонтов. Чайковский играл здесь свои новые произведения, впервые в России выступал Клод Дебюсси, пели Нежданова и Шаляпин, читали свои стихи Цветаева и Пастернак...

Сейчас предлагают новые помещения, но... уехать с Большой Никитской, из дома Шаховских?!

А еще Пушкин помог мне определить свою главную стезю в оперном искусстве. Дело в том, что когда я оканчивал ГИТИС, никаких далеко идущих планов — свой театр, своя труппа — у меня и в помине не было. Просто однажды мы с сокурсниками подготовили «Мавру» Стравинского — опера эта небольшая, всего на полчаса звучания. А потом подумали: зачем расставаться? Ведь такая хо-

рошая компания! И решили объединиться. Как раз начиналась перестройка. Нашелся человек, который дал нам денег на декорации. После чего мы довольно нагло назвали «Геликон-оперой» в честь Геликона — горы на Олимпе, где Аполлон общался с музами. И решили ставить то, что было по силам нашей маленькой компании, то есть камерные оперы. Оркестра у нас не было, и на каждый спектакль приходилось приглашать своего рода ансамбль солистов. Платить за репетиции было нечем, отсюда такая скорострельность: утром репетиция — вечером спектакль. Так что Пушкин стоял у наших истоков. «Мавра» — это ведь его «Домик в Коломне».

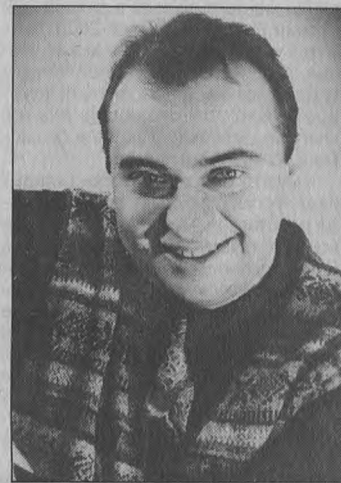
Потом познакомились с хоровым коллективом Татьяны Громовой — она только что окончила Институт имени Гнесиных и организовала вокальный ансамбль из двенадцати певцов. Это были молодые выпускники дирижерско-хоровых отделений музыкальных училищ, ставшие фанатами нашего театра. Ходили на все наши постановки, и однажды Таня предложила: «Давайте что-нибудь сделаем вместе!» Решили ставить «Паяцев» Леонкавалло. Это был 1993 год — первый спектакль, сыгранный нами прямо на улице. Было человек триста зрителей; из окна дома напротив пел Арлекин... Спектакль шел все лето, и мы впервые почувствовали, что такое настоящий успех! Пожалуй, именно тогда я понял, что хотя современные камерные оперы — это интересно, надо настраиваться на другую репертурную политику. Нас ведь никто не знал, нам необходимо было завоевать зрителей. Ее величество публика всегда хочет смотреть то, что хочет: Верди, Чайковский... Позже меня упрекали, что я пошел на поводу у слушателей. Но я поступил так для сохранения театра и ни о чем не жалею.

— У вас быстро росла труппа. Откуда вы брали солистов? И чему

отдавали предпочтение — голосу или сценичности?

— Нужен слыв. Зритель ведь рассматривает оперу как развлечение. Еще Станиславский утверждал: «Театр — развлечение». Человек платит деньги, покупает билет. Он хочет отдохнуть, расслабиться. Услышать красивые мелодии, увидеть комфортное зрелище. Ему совсем неинтересно смотреть на толстую, некрасивую Кармен — ему нужна легкая, очаровательная (хотя и трагичная) Кармен Мерибе и Бизе. Поэтому, когда проходит конкурс в наш театр, я ищу комплекс. Певца должна обладать красивым тембром, диапазоном, приятной внешностью — это как бы само собой. Голос — очень существенное выразительное средство актера, но это только средство. А дальше для меня важно наличие «манка»: я слежу за тем, как человек поворачивает голову, как смотрит, есть ли какая-то необычность в жестах. Потом меня интересует, может ли артист воздействовать голосом, может ли раздражать, любить, ревновать. Голосом! Моя задача — подобрать индивидуальности. В этой роли я ощущаю себя ни много ни мало — Третьяковым, составляющим экспозицию своей галереи. У меня коллекция артистов, которой я очень горжусь. Это в первую очередь наша прима Наташа Загоринская... Я скажу, когда по каким-то причинам у нее нет репетиций. Вадим Запечный, Катя Мельникова, Таня Куинджи, Елена Гушина, Герман Апакин, Андрей Батуркин, Елена Качура... Я не хочу продолжать этот список, потому что боюсь кого-то пропустить.

— Вернемся к вашему работодателю. В конце минувшего сезона был на «Евгении Онегине». Это оказался чистой воды бенефис баритона Андрея Батуркина и soprano Алисы Гущица. Певца оказалась похожа на один из женских профилей, нарисованных поэтом, — нос, глаза, подбородок, завит-

ки. Это случайность или элемент режиссерского замысла?

— Ну волосы — специально подобранный парик. У нас вообще-то пять Татьяна. Но однажды вышло так, что одна была в отъезде, у другой нелады с голосом, у третьей температура. Кому петь? И тут возникла Алиса. Татьяна в «Онегине» когда-то была ее дипломной работой, роль знает наизусть. Спела прекрасно!

— Ваши проекты нового сезона?

— Два «Макбета»... Это опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» (первая редакция 1934 года) и «Макбет» Верди. Кроме того, решили возобновить «Паяцев».

— Завтра вы открываете сезон — последний в нынешнем тысячелетии. Есть ли будущее у оперы? Не погибнет ли она в этом таинственном XXI веке?

— Нет. Я считаю, что опера как раз и есть главное искусство наступающего столетия. Она будет жить и станет особенно популярной, потому что объединяет в себе все виды искусства. А народ привик сегодня все воспринимать быстро и «в одном пакете». И если человек пришел вкушать искусства, то именно опера даст ему возможность максимально насытиться этим богато сервированным пиршеством.